

"НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТЬЕ" И ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕЖИМЫ

Автор: А. Н. ЩЕРБАК

(Политико-экономический анализ)*

В политической науке было выработано несколько различных подходов, объясняющих неудачу демократизации в России и других странах - республиках бывшего СССР (например, культурный и институциональный подходы, доктрина обусловленного пути). Мне хотелось бы предложить еще одно, политэкономическое, объяснение авторитарного реванша в ряде стран бывшего СССР. Мое объяснение основано на теориях "проклятья природных ресурсов", которые выдвигают предположение о негативном влиянии больших запасов природных ресурсов, в частности нефти, на экономическое и политическое развитие государств. Данная работа демонстрирует отрицательную зависимость между запасами природных ресурсов (особенно нефти/газа), выраженных как доля экспорта в ВВП, и уровнем демократии. Я также выдвигаю два каузальных механизма, которые могут объяснить эту зависимость, - негативное влияние нефтяной ренты на становление гражданственности/гражданского участия и использование нефтяной ренты для укрепления репрессивного аппарата. Как показывает анализ, политические режимы в богатых ресурсами странах используют свои нефтяные сверхдоходы для охраны своего политического статуса, наращивая численность силового аппарата.

Природные ресурсы - проклятье демократии?

Литература, посвященная эффектам больших запасов природных ресурсов на развитие государств, крайне обширна [Ross, 1999]. Вот некоторые, наиболее популярные ее направления:

- негативное влияние экспорта природных ресурсов на экономическое развитие - *эффект "голландской болезни"*. Рост прибыли в ресурсном секторе приводит к оттоку туда, а также в сектор непродаемых товаров труда и капитала из производящих секторов экономики. Это ведет к снижению производительности труда и, как следствие, к стагнации экономики [Torvik, 2001];

- негативное влияние экспорта природных ресурсов на экономическое развитие стран - *концепция природной ренты* и *"эффект прожорливости"*. Экономические агенты в экономике, зависящей от экспорта природных ресурсов и испытывающей рез-

* Выражаю благодарность В. Гельману за ценные комментарии.

Щ е р б а к Андрей Николаевич - кандидат политических наук, старший преподаватель факультета социологии Государственного университета - Высшей школы экономики (СПб. филиал).

кое увеличение прибыли от экспорта, стремятся перейти из производящих секторов в паразитический, рентособирающий сектор. Данный сектор занят не производством товаров или услуг, а сбором дани с производительного сектора с использованием методов неэкономического принуждения, а зачастую и просто насилия. В результате, чем больше доход от принудительного сбора ренты, тем меньше доход от производства, что ведет к экономической стагнации [Torvik, 2002; Mehlum, Moene, Torvik, 2003]. "Эффект прожорливости" предполагает, что увеличение государственных расходов идет быстрее, чем рост доходов от ренты, во многом из-за давления заинтересованных групп, нацеленных на освоение ренты [Tornell, Lane, 1999];

- негативное влияние экспорта природных ресурсов на политическое развитие стран - повышение вероятности *инициации вооруженных конфликтов* (в том числе гражданских войн), а также поощрение их затягивания. Во многих развивающихся странах контроль над источниками природных ресурсов становится причиной начала вооруженных конфликтов (в том числе гражданских войн) в стране. В то же время доходы от продажи легкособираемых (*lootable*) ресурсов являются основным источником финансирования повстанцев. Зачастую в таких конфликтах цель и средство смешиваются. Фактом остается, что обилие природных ресурсов увеличивает риск гражданских войн [Fearon, 2005; Ross, 2004];

- негативное влияние экспорта природных ресурсов на политическое развитие стран - *ослабление политических институтов, снижение стимулов к демократизации, усиление авторитарных тенденций в политике* с целью обеспечить/сохранить политический контроль над природной нефтью [Mehlum, Moene, Torvik, 2005; Ross, 2001].

Более всего из вышеописанных эффектов для данного анализа интересен последний эффект, то есть взаимовлияние экспорта природных ресурсов и уровня демократии. Исследователи выдвигают здесь ряд аргументов. Во-первых, экономическая зависимость режима от экспорта природных ресурсов снижает стимулы государства по сбору налогов с граждан, ибо получать доходы от продажи ресурсов проще и выгоднее. Вопросы же уплаты налогов являются одним из важнейших стимулов участия граждан в политической жизни страны; таким образом снижается заинтересованность граждан во влиянии на политический процесс. Можно вспомнить девиз войны за независимость в США "*Wo taxation without representation*", то есть "нет налогов без представительства".

Во-вторых, сверхдоходы от продажи ресурсов позволяют режиму увеличивать социальные выплаты и тем самым покупать политическую лояльность граждан и демонстрировать видимость экономической эффективности и процветания. В-третьих, доходы от экспорта природных ресурсов поощряют ослабление политических демократических институтов - институтов контроля. Режим стремится максимизировать свой контроль над получением ренты, ее распределением, в его интересах сделать этот процесс наименее прозрачным. В-четвертых, режим склонен тратить большие средства на репрессивный аппарат. Это обусловлено двумя причинами: усилением своего политического контроля над ситуацией в стране из-за опасений утратить контроль над природной рентой; обеспечением занятости населения из-за слабого развития других секторов экономики, тем самым предотвращением социального напряжения.

В-пятых, режим расширяет государственный аппарат (не только силовой блок), чтобы включить в себя потенциальные автономные группы и препятствовать попаданию недовольных в публичную сферу. Режим старается не допустить образование независимых социальных групп, способных в дальнейшем бросить ему вызов. В-шестых, экономический рост на основе экспорта природных ресурсов может не приводить к модернизации, понимаемой как качественное преобразование социальной и культурной сфер. Без масштабных социокультурных сдвигов в обществе модернизация оказывается отложенным проектом. Исследователи признают, что разные ресурсы могут по-разному влиять на вышеописанные процессы [Ross, 2001, p. 336].

Одним из наиболее релевантных исследований в данной области является статья М. Росса "Мешает ли нефть демократии?", в которой он изучает вопрос о зависимости демократизации и экспорта нефти в странах Европы, Ближнего Востока, Африки, Ла-

тинской Америки. Росс включил в анализ 113 стран во временном промежутке 1971- 1997 гг. Основной вывод заключался в наличии отрицательной закономерности между экспортом нефти/минералов и переходом к демократии. Росс предложил три каузальных механизма для объяснения этого феномена. Первый механизм предполагал "эффект рантье", то есть зависимость режима от сбора налогов и уровня государственных расходов. Он обнаружил позитивную значимость первого фактора для демократизации и негативную для второго. Второй механизм касался силового аргумента, то есть уровня государственных расходов на силовой аппарат и количества сотрудников силовых структур. Уровень расходов оказался незначимым, но количество силовиков значимым, то есть демократизация отрицательно связана с количеством силовиков. Третий механизм, основанный на эффекте модернизации, оказался малозначимым.

В своем исследовании Росс специально не акцентировал внимание на ситуации в странах бывшего СССР. Попытаюсь заполнить этот пробел и проверить предположение о наличии зависимости между наличием больших запасов природных ресурсов и уровнем демократии в странах бывшего СССР. Постараюсь проверить те гипотезы, которые выдвинул Росс, на постсоветском примере. Действительно, политические дороги постсоветских стран сильно разошлись: от принятых в ЕС стран Балтии до тоталитарного Туркменистана. В начале 1990-х гг. стартовые политические условия у всех стран были практически одинаковые, а экономические - разные. После 14 лет раздельного существования статус всех стран стал серьезно различаться. Есть государства практически не зависящие от экспорта ресурсов, есть страны, в основном живущие за его счет. Влияет ли это обстоятельство на уровень демократизации?

Я использую два каузальных механизма, выдвинутых Россом, рассматривающим негативное влияние экспорта ресурсов на демократизацию через препятствование росту гражданского участия (налоги и социальные расходы), укрепление силового блока. Для того чтобы проверить эти предположения, выдвигаются следующие гипотезы:

- увеличение экспорта природных ресурсов (нефти и минералов) ведет к снижению уровня демократии;
- увеличение экспорта природных ресурсов (нефти и минералов) ведет к снижению (стагнации) собираемости налогов и повышению социальных расходов;
- увеличение экспорта природных ресурсов (нефти и минералов) ведет к увеличению расходов на силовой блок и к увеличению численности силовиков.

Данные и методы

В данной работе я использую метод множественной регрессии для проверки выдвинутых гипотез. Берется выборка из 15 стран бывшего СССР в хронологическом отрезке с 1996 по 2004 гг. Зависимой переменной будет **политический режим** за соответствующий год. Годы с 1996 по 1998 - это годы относительно неблагоприятной нефтяной конъюнктуры, с 1999 - 2000 гг. начался стремительный рост цен на нефть. Выбор такого временного отрезка позволит проверить предположение о положительном влиянии спада цен на демократизацию. Для формирования этой переменной я использую данные организации "Freedom House". Оценка режима может варьироваться от 1 до 7, где 1 - самая высокая оценка (развитая демократия) и 7 - самая низкая (полное отсутствие демократии).

В качестве независимой переменной, показывающей зависимость страны от **нефти**, берется доля экспорта нефти в ВВП. Под нефтью понимаются те продукты, которые соответствуют классификации статистической службы ООН *SITC Rev. 3* в секции 3 (нефть, нефтепродукты, газ, электроэнергия). Здесь используются данные Мирового банка, статистической службы ООН, Российского комитета по статистике, Комитета статистики СНГ. В качестве показателя зависимости страны от экспорта **минералов** берется доля экспорта минералов в ВВП. Под минералами понимаются товары, попадающие в классификации *SITC Rev. 3*, секции 27 (необработанные удобрения, необработанные металлы), секции 28 (металлосодержащая руда, металлический лом), секции 68

(цветные металлы). Данные берутся из тех же источников. Путем сложения экспорта нефти и минералов получаем независимую переменную **ресурсы** как долю экспорта природных ресурсов в ВВП.

В качестве контрольной переменной используется переменная **Режим**_(t-5), отображающая политический режим в стране за 5 лет до выбранного года. Это позволяет фиксировать специфические свойства выбранного режима; изменение режима может во многом зависеть от логики развития самого режима. Режим зависит от предшествующего пути развития страны - эффекты обусловленного пути (*path dependency*), которые препятствуют его изменениям в зависимости от текущей конъюнктуры вроде цен на нефть (демократический режим не может вмиг стать авторитарным из-за нефти и/или наоборот).

В качестве показателя собираемости налогов используется переменная **налоги**, которая представляет собой долю собираемых налогов на доход физических лиц, на прибыль предприятий (данные Мирового банка, Российского комитета по статистике, Комитета статистики СНГ). В качестве переменной, показывающей **государственные расходы**, берется доля расходов правительства в ВВП. Эти данные мы берем у Мирового банка.

В качестве переменной, показывающей **расходы на силовиков**, используются сведения Мирового банка о том, какую долю в государственном бюджете составляют расходы на силовые структуры. В качестве переменной, показывающей **численность силовиков**, берется доля силовиков от общего числа работающих. Под "силовиками" понимаются сотрудники регулярных военизированных структур, включая членов паравоенизированных структур, если последние представляют собой регулярные части с точки зрения их организации, подготовки, снаряжения и миссии (данные Мирового банка).

В качестве переменной **доход** используется натуральный логарифм ВВП на душу населения, скорректированный на покупательную способность населения (данные Мирового банка).

Чтобы зафиксировать специфические свойства отдельных регионов, которые могут развиваться согласно своей внутренней логике, применяются две контрольные *dummy*-переменные - **Балтия** и **Средняя Азия**. Страны Балтии с момента обретения независимости уверенно взяли курс на интеграцию в европейские структуры и в 2004 году вошли в Европейский союз, что должно положительно влиять на демократизацию. Средняя Азия имеет свои специфические черты, связанные с различными культурными и историческими факторами (например, с преобладанием ислама). Это, наоборот, должно оказывать отрицательное воздействие на демократизацию.

Для всех независимых переменных используется двухлетний лаг (то есть переменный **Режим** за 2004 г. будет соответствовать значениям независимых и контрольных переменных за 2002 г. и т.д.). Росс в своей статье использовал пятилетний лаг. Наш временной отрезок не позволяет этого сделать: постсоветская политика отличается заметной динамичностью, и я исхожу из того, что требуется меньше времени от события до его эффекта. Пятилетний лаг я беру только для переменной "**Режиму**_(t-5)". Все регрессии вычисляются с *dummy*-переменными для каждого года, кроме одного, для того, чтобы фиксировать специфические свойства выбранных годов.

Результаты анализа и интерпретация

Формула базового регрессионного уравнения выглядит следующим образом: $\text{Режим}_{i,t} = a_j + b_1(\text{Режим}_{i,t-5}) + b_2(\text{Ресурсы}_{i,t-2}) + b_3(\text{Нефть}_{i,t-2}) + b_4(\text{Минералы}_{i,t-2}) + b_5(\text{Режим}_{i,t-5}) + b_6(\text{Log Доход}_{i,t-2}) + b_7(\text{Балтия}_{i,t}) + b_8(\text{Средняя Азия}_{i,t}) + b_9(\text{Год}_{i,t}) + \dots + b_{17}(\text{Год}_{i,t})$

Таблица 1 Влияние природных ресурсов на демократизацию на постсоветском пространстве (зависимая переменная - Режим)

	Модель 1	Модель 2
	Стандартизованные Бета-коэффициенты	
Ресурсы	0,096*	-
Нефть	-	0,133**
Минералы	-	-0,161**
Режим _{t-5}	0,416**	0,346**
Log Доход	0,228**	0,326**
Балтия	-0,618**	-0,764**
Средняя Азия	0,159**	0,263**
Л-квадрат	0,933	0,943
Adjusted R-квадрат	0,927	0,938
N наблюдений	83	83

* - значимость на 0,05 уровне,

** - значимость на 0,01 уровне.

Примечание. Здесь и далее число наблюдений *N* будет ниже, чем ожидаемое в идеале (135). Это связано прежде всего с состоянием статистической службы в странах СНГ в 1990-е гг., особенно в Средней Азии. Например, практически отсутствуют многие данные по Узбекистану, Туркмении, Киргизии. Кроме того, не во всех странах есть интересующие нас данные по первой половине 1990-х гг.

Средняя величина экспорта природных ресурсов составила 8,3% ВВП, средняя величина для экспорта нефти - 7,5% ВВП, экспорта минералов - 2,1% ВВП. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1. Модель 1 включает в себя переменную Ресурсы, Модель 2 - переменные Нефть и Минералы.

Результаты регрессионного анализа показывают, что природные ресурсы оказывают антидемократическое влияние на постсоветском пространстве. Модель 1, показывающая их воздействие в целом, демонстрирует, что при включении в модель большого числа контрольных переменных "ресурсы" остаются значимыми в качестве фактора воздействия на политический режим. При разбивке всех природных ресурсов на нефть и минералы оказывается, что фактором распространения авторитарных тенденций является именно нефть, в то время как богатство минералами ведет к повышению уровня демократии в стране.

Как это объяснить? Возможно, это связано с тем, что добыча минералов (в основном металлов) - более технологоемкий процесс, требующий больших интеллектуальных усилий и, соответственно, большей интеллектуальной свободы. При этом видно, что большую роль играет также региональный фактор: принадлежность к Балтии имеет сильное демократическое воздействие, принадлежность к Средней Азии - сильное антидемократическое. В Модели 2 оказался также значимым 1998 г. (с отрицательным знаком), что можно связать с эффектом российского экономического кризиса.

Как интерпретировать негативный эффект природных ресурсов на демократизацию политического режима на постсоветском пространстве? Попытаюсь протестировать два каузальных механизма, предложенных Россом. Первый объясняет антидемократичность влияния природного богатства через "эффект гражданского неучастия": во-первых, государство тратит сверхдоходы от экспорта на социальные программы (повышение правительственных расходов к ВВП) с целью купить лояльность населения; во-вторых, государство, получая свой основной доход от экспорта ресурсов, не заинтересовано, чтобы в должном объеме собирать налоги со своих граждан (налоги на доходы физических лиц и налоги на прибыль организаций). Фискальные органы существуют,

Таблица 2 "Эффект гражданского неучастия" (зависимая переменная - Режим)

	Модель 1	Модель 2
	Стандартизованные Бета-коэффициенты	
Ресурсы	0,097	-
Нефть	-	0,138*
Минералы	-	-0,187**
Режим, "5	0,459**	0,344**
Log Доход	0,339**	0,373**
Правительственные расходы/ВВП	-0,016	-0,040
Налоги	0,016	0,015
Балтия	-0,670**	-0,769**
Средняя Азия	0,167**	-0,267**
Я-квадрат	0,909	0,934
Adjusted R ² -квадрат	0,903	0,927
N наблюдений	65	65

*- значимость на 0,05 уровне,

** - значимость на 0,01 уровне.

но их основная функция - не фискальная, а фискально-карательная. Имеется в виду селективное применение санкций со стороны государства по отношению к автономным или политически нелояльным агентам в экономической и общественной жизни (вспомним, например, дело ЮКОСа в России). Так как граждане не платят налогов, они не заинтересованы в контроле над правительством. Введем в модель две независимых переменных: "доля правительственных расходов к ВВП" и "доля налогов на доходы физических лиц и на прибыль организаций" в общем объеме собираемых налогов. Предположим, что правительственные расходы будут влиять на демократизацию отрицательно, а налоги - положительно. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Регрессионный анализ показывает, что этот каузальный механизм не работает. Ни в одной из моделей коэффициенты правительственных расходов и налогов незначимы, более того эти коэффициенты получились с противоположным ожидаемым знаком. Кроме того, в Модели 1 незначимой оказалась ключевая для нас переменная Ресурсы. Возможно, эти результаты можно объяснить ухудшением качества выборки - она сократилась примерно на четверть.

Другой каузальный механизм пытается объяснить авторитарное влияние богатства природных ресурсов через "репрессивный эффект". Утверждается, что правящий режим начинает опасаться даже гипотетической возможности потерять власть и, как следствие, контроль над распределением сверхдоходов от продажи ресурсов. Режим начинает тратить сверхдоходы на охрану *status quo*, что предполагает, во-первых, увеличение расходов на силовой блок, чтобы гарантировать лояльность силовиков в случае возможного политического кризиса, и во-вторых, увеличение их численности с целью повышения контроля над политической ситуацией в стране и для создания рабочих мест для населения, чтобы последнее не увеличивало когорту недовольных. Чтобы протестировать этот эффект, создано две переменных - "численность силовиков" (количество силовиков к общей рабочей силе) и "расходы на силовой блок по отношению к ВВП". Ожидается, что и увеличение расходов на силовиков, и увеличение их численности оказывает антидемократический эффект. Результаты анализа представлены в таблице 3.

Результаты тестирования демонстрируют, что репрессивный эффект может служить в качестве одного из объяснительных механизмов негативного влияния богатых природных ресурсов на демократизацию. В обеих моделях при сохранении значимости всех контрольных и независимых переменных значимым оказывается "численность силови-

Таблица 3 "Репрессивный эффект" (зависимая переменная - Режим)

	Модель 1	Модель 2
	Стандартизованные Бета-коэффициенты	
Ресурсы	0,095*	-
Нефть	-	0,112**
Минералы	-	-0,175**
Режим _{t-5}	0,327**	0,279**
Log Доход	0,190*	0,264**
Расходы на силовой блок/ВВП	-0,089	-0,052
Численность силовиков	0,125*	0,159**
Балтия	-0,590**	-0,694**
Средняя Азия	0,218**	0,335**
R-квадрат	0,931	0,957
Adjusted Л-квадрат	0,925	0,952
N наблюдений	83	83

* - значимость на 0,05 уровне,

** - значимость на 0,01 уровне.

ков" (правда, в модели 1 значимость не очень высокая); в обоих случаях незначимыми (и к тому же с противоположным ожидаемому знаком) оказываются "расходы на силовой блок". Модель 2 демонстрирует, что основная антидемократическая роль принадлежит нефти.

Как можно интерпретировать эти результаты? Режимы, наслаждающиеся нефтяными сверхдоходами, увеличивают число силовиков фактически без увеличения расходов на них. Грубо говоря, в итоге мы получаем множество дешевых "солдат", охраняющих как скважины, так и покой их владельцев. Невысокое финансирование силового блока означает невысокую профессиональную подготовку "солдат" и, как следствие, многочисленные нарушения и злоупотребления со стороны силовиков. Нарушения прав граждан инициируют конфликт, в котором режим становится (и вынужден становиться) на сторону своих стражников, для чего оказывает давление на существующие политические институты - суды, СМИ, органы защиты прав человека. Помимо этого, высокую численность силовиков можно объяснить необходимостью решения проблемы занятости. Сырьевая экономика не обеспечивает всех желающих достаточным количеством высокооплачиваемых рабочих мест в легальном секторе [Во, Во, 2004]. Молодые безработные люди в сырьевых режимах часто стоят перед дилеммой - идти в "боевики"/"бандиты" (часто как единственный вариант престижной высокооплачиваемой работы в негосударственном секторе) или в "солдаты"; режим стоит перед той же проблемой - иметь дело с большим количеством "боевиков"/"бандитов" или "солдат"? Выбирая "солдат", режим делает ставку на постепенное разрушение основ демократического строя.

Проведенный анализ показывает, что богатство природных ресурсов оказывает антидемократическое влияние на постсоветские страны. Природные ресурсы, особенно нефть, которые воспринимались и элитами, и массами как благо, оказывают крайне противоречивое влияние на развитие обладающих ими стран. Экономисты говорят о пагубном влиянии нефти на экономическое развитие, утверждая, что сырьевой экспорт искажает структуру экономики и далее замедляет рост ("голландская болезнь"). Мой политологический анализ усиливает этот тезис: обильные ресурсы наносят вред не только экономическому росту, но и политическому развитию. Богатые ресурсами (углеводородами) постсоветские страны становятся более авторитарными, что пагубно сказывается как на положении граждан, так и на экономическом росте.

Все удачные "цветные революции" на постсоветском пространстве произошли в бедных ресурсами странах (Грузия, Украина, Киргизия). Наоборот, в богатых нефтью стра-

нах (Азербайджан, Казахстан) "цветные революции" провалились. Исходя из этого, можно делать отрицательные прогнозы относительно успеха "цветных революций" в оставшихся ресурсобогатых государствах бывшего СССР - Туркмении и России. В этих странах режимам есть что терять в случае ухода из власти, особенно при текущих ценах на энергоносители.

Россия - нефтяное бремя?

Проведенный анализ включал все постсоветские страны. В фокусе этой части статьи находится российский случай. 2003 - 2005 гг. оказались годами беспрецедентного роста цен на нефть на мировых рынках, в результате в Россию хлынул поток нефтяных сверхдоходов. Есть все основания полагать, что Россия может стать хрестоматийным примером подтверждения "проклятья природных ресурсов". Эти опасения подтверждаются следующими фактами из российской политики в 2003 - 2005 гг. на примере отношений государства и бизнеса, правовых институтов, государственных учреждений, выборов, региональной политики.

Первыми тревогу стали бить экономисты, например бывший советник В. Путина по экономической политике А. Илларионов, которые стали утверждать, что сверхдоходы от продажи нефти тормозят экономический рост - через эффект "голландской болезни" и снижение производительности труда. Нормы прибыли в нефтяной отрасли выше, чем во всех остальных, поэтому предприниматели не заинтересованы в инвестициях в другие сектора, кроме топливного. Производительность труда в несырьевых секторах падает, конкурентоспособность российских товаров снижается, увеличивается сектор непродávаемых товаров. Как итог - снижение темпов роста экономики.

Если при Б. Ельцине общепринятым считалось колоссальное влияние крупных корпораций на политику (не в последнюю очередь нефтяных компаний), то при Путине была провозглашена концепция "равноудаления олигархов". Было принято соглашение о прекращении влияния бизнеса на политику и о признании результатов приватизации государством. Однако по разным причинам это соглашение было нарушено в 2003 г. Рост нефтяных доходов сделал владельцев нефтяных компаний слишком влиятельными с точки зрения Кремля. В преддверии парламентских выборов Кремль инициировал "борьбу с олигархами", которая вылилась в "дело ЮКОСа". Кремль испугался, что бизнес попытается конвертировать свои прибыли от нефти в политическое влияние. ЮКОС показался наиболее подходящей кандидатурой, в частности из-за крайне высокой политической активности его руководителей. После этого стала отчетливо видна тенденция на постепенную национализацию нефтяной отрасли. ЮКОС оказался фактически на грани банкротства, был лишен своих наиболее прибыльных активов. Кроме того, контролируемая государством компания Газпром приобрела компанию "Сибнефть" за 13 млрд. долл. После этого большая часть нефтяной промышленности фактически оказалась в собственности государства.

По мнению большинства наблюдателей, если даже предположить, что стратегическая цель Кремля в случае ЮКОСа была верной, то выполнение - ход процесса - оказалось вне правового поля [Громов, 2005]. Дело ЮКОСа оказалось еще одним механизмом ослабления российской судебной-правовой системы. После вынесения приговора высокопоставленные сотрудники прокуратуры неоднократно заявляли, что дело ЮКОСа - только начало. Эксперты делали предположения, что дело ЮКОСа может быть взято за образец в российских регионах. Судьба такого важного института, как защита прав собственности, оказалась в России под угрозой. И это не единственное свидетельство эрозии политических институтов под влиянием сверхдоходов от нефти. Еще в начале путинского правления были инициированы налоговая и федеративная реформы, ставившие своей целью, в частности, централизацию налоговых поступлений из регионов. Контроль над налоговыми потоками позволил Кремлю усилить и политический контроль над многими регионами. Тенденция централизации власти одной из своих целей ставит ограждение регионов от нефтяной ренты в ущерб региональному развитию.

В 2004 г. российское правительство создало Стабилизационный фонд (СФ), в который стало складывать сверхдоходы от нефти. Естественно, что чем быстрее растет

объем СФ, тем больше появляется требований начать тратить эти деньги на "долгосрочные инвестиционные проекты". В конце 2005 г. правительство решило часть денег оттуда взять, создав специальный Инвестиционный фонд. Это сильно напоминает так называемую модель "белых слонов" [Robinson, Torvik, 2004]. Согласно этой модели, сырьевые режимы стремятся инвестировать большую часть сверхдоходов от продажи ресурсов в свою экономику. Однако при отсутствии сильных политических институтов основной целью инвестиций оказывается не достижение официально декларируемой экономической эффективности, а покупка политической лояльности. В результате режимы бесценно находятся у власти, но экономика стагнирует. Например, страны ОПЕК в основном тратили заработанные нефтедоллары на внутренние инвестиции. Но если взять ВВП этих стран как одно целое, то в период 1965 - 1998 гг. ВВП на душу населения в среднем уменьшался на 1,3%, несмотря на взлеты цен на нефть в 1973 и 1979 гг. [Robinson, Torvik, 2004, p. 4, fn. 2]. В отсутствие системы прочных политических институтов, тем более перед напряженными выборами 2007 - 2008 гг., появляется огромная вероятность, что "долгосрочные инвестиционные проекты" будут нацелены не на повышение экономической эффективности, а на обеспечение политической лояльности населения.

Контролируя доходы от нефтяной ренты, Кремль использует их для упрочения своего политического влияния. Отчасти этим можно объяснить итоги парламентских выборов 2003 г. Одной из важных составляющих победы Единой России стала зависимость региональных властей от федеральной финансовой помощи [Щербак, 2005]. Источником же такой финансовой помощи являются сверхдоходы от нефти. Кроме того, из-за того, что нормы прибыли в нефтяном секторе выше, чем в других секторах, существует препятствие для укрепления национального среднего бизнеса - основы для буржуазных правых партий; а некоторое увеличение социальных расходов за счет нефтяной ренты позволяет Кремлю уменьшать влияние левых партий. Все это препятствует развитию нормальной политической конкуренции. При росте мировых цен на нефть в 2003 - 2005 гг. ставки в контроле президентского кресла растут. Учитывая тенденцию захвата государством нефтяной отрасли, ставки растут еще больше. Есть опасение, что сохранение власти (и контроля над нефтяной рентой) для Кремля важнее, чем сохранение института выборов.

Еще в начале 1990-х гг. обилие природных ресурсов оказало негативное влияние на российскую региональную политику. Одной из важнейших проблем российского политического процесса был сепаратизм ряда национальных республик. Во многих случаях экономическим основанием для этой тенденции были запасы природных ресурсов (в основном - нефти) в таких республиках, как Татарстан и Башкортостан. В обмен на признание верховенства Москвы эти регионы получили право оставить местные нефтяные компании "Татнефть" и "Башнефть" в региональной собственности. Причиной для сепаратистских настроений в республике Саха (Якутия) в начале 1990-х гг. было требование отдать алмазную отрасль под контроль региональных властей. Нефть в Чечне также оказалась одним из факторов конфликта. Уже на современном этапе одним из поводов напряженности между Москвой и пророссийским Грозным является постоянное требование руководства республики отдать нефтяную отрасль в Чечне - компанию "Грознефтегаз" - под полный республиканский контроль. Кроме того, ключевым пунктом разрабатываемого в Чечне двухстороннего договора между Чечней и федеральным центром является именно передача республике контроля над нефтяным сектором, минимум на 10 лет (см., например, Полит. Ру, 27 апреля 2004; Ведомости, 5 октября 2005). Борьба за контроль над чеченской нефтью способна обострить и без того непростые отношения между Москвой и Грозным.

Богатые природные ресурсы медленно, но неотвратимо разъедают и без того слабые политические институты в России. Складывается впечатление, что если в начале 2000-х гг. нефтяной сектор звучал во властном дискурсе как источник средств для масштабной модернизации, как источник инвестиций в другие сектора экономики и социальную сферу, то в последнее время, особенно после рекордного повышения цен на мировых рынках, все больше появляется уверенности в том, что энергетический сектор,

контроль над ним становится главным пунктом в политической повестке Кремля. Фактически это приводит к тому, что вся внутренняя и внешняя политика России сводится либо к принятию мер для удержания контроля над скважинами ("превентивная контрреволюция") [Щербак, Эткинд, 2005; Рябов, 2005], либо к рассуждениям о том, как потратить сверхдоходы ("национальные проекты"), либо к переговорам о проведении новых газо-, нефтепроводов. Едва ли это соответствует тем задачам, которые стоят перед российским обществом.

* * *

Предполагаемый результат, которого я стремился достичь, - оценка значимости наличия природных ресурсов как фактора демократизации в странах бывшего СССР. Надеюсь, что эта работа позволит сократить дистанцию между политэкономическими исследованиями, в частности в рамках парадигмы "проклятия природных ресурсов", и политологическими исследованиями постсоветского пространства. Последние обычно лежат в страновой и транзитологической плоскостях. Применимость транзитологического подхода в последнее время все более и более ставится под сомнение, поэтому применение новых концепций способно внести новое в эту область. Часто одни ученые делают упор на анализ действий политических акторов в процессе смены режимов, но уделяют при этом недостаточно внимания роли тех экзогенных факторов, которые обуславливают этот выбор. Данным недостатком транзитологический подход отличается, например, от структурных теорий, которые, напротив, жестко увязывают вероятность смены режима с уровнем социально-экономического развития или культурными факторами, но не обращают внимания на значимость акторов в процессе транзита и не позволяют выявить текущую политическую динамику. Возможно, данная работа позволит сделать шаг вперед в попытке объединения упомянутых выше объяснений, с учетом перспективы сравнительной политической динамики. В то же время я надеюсь, что данная работа привлечет внимание исследователей, помимо экономистов, к проблеме изучения политических эффектов нефтяного шока, начавшегося в 2003 г. Одно из дальнейших направлений работы - это поиск других каузальных механизмов антидемократического эффекта нефтяного изобилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Громов А. Процесс // Эксперт. 2005. N 2.
Рябов А. Москва принимает вызов "цветных" революций // Pro et Contra. 2005. N 1.
Щербак А. Экономический рост и итоги думских выборов 2003 года // Политическая наука. 2005.
Щербак А., Эткинд А. Призраки Майдана бродят по России: превентивная контрреволюция в российской политике // Неприкосновенный запас. 2005. N 43.
Bo E. Dal, Bo P. Dal. Workers, Warriors and Criminals: Social Conflict in General Equilibrium // Unpublished Working Paper. 2004.
Fearon J. Primary Commodities Exports and Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2005. Forthcoming.
Mehlum H., Moene K. O., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // The Economic Journal. 2005. Forthcoming.
Mehlum H., Moene K. O., Torvik R. Parasites // Poverty Traps. Princeton, 2003.
Robinson J A., Torvik R. White Elephants // Journal of Public Economics. 2004. N 89.
Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. N 53.
Ross M. The Political Economy of the Resource Curse // World Politics. 1999. N51.
Ross M. What Do We Know about Natural Resources and Civil War? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. N 3.
Tornell A., Lane P.R. 1999. The Voracity Effect // American Economic Review. 1999. Vol. 89. N 1.
Torvik R. Learning by doing and the Dutch Decease // European Economic Review. Vol. 45. 2001.
Torvik R. Natural Resources, Rent Seeking and Welfare // Journal of Development Economics. 2002. Vol. 67.